

С его словами сердце Чжао дрогнуло, и Сюэ Цуйе несколько раз пыталась порвать, и она терпела это, но старое лицо мастера Сюэ становилось все темнее и темнее.

Поскольку он знал, что ничего нельзя увидеть, семья Сюэ не осмеливалась больше упоминать об этом. Дедушка Сюэ знает только серьезность, и только тогда раздражает двух своих сыновей. Он знает, что такого рода принуждение его сына платить слишком много, но он всегда должен думать об остальных членах семьи., То есть вся семья Сюэ безликая, чтобы выходить на встречи с людьми.

Поэтому он знал, что двое его сыновей не желают этого, и все равно позволял своей жене беспокоиться. Он знал, что это неправильно, но что он мог поделаться, у босса не было денег, это дело нельзя было откладывать ни на один день, и он хотел решить его немедленно.

Поэтому мы можем только пожертвовать эго и завершить эго.

В наши дни члены семьи не осмеливались упоминать об этом, и они были настолько обнажены, что Сюэ Тинянь сказал это, и это было оправданно и разумно, и сказал, что Сюэ Сюэ был шокирован, и в то же время он был раздражен своей тещей и этой непристойной девушкой.

"Но дедушка, ты когда-нибудь задумывался об этом, это коротышка нашей семьи, но также и коротышка семьи Чжао. Если внуки правильно помнят, то Чжао Цзиньруй, похоже, тоже учится. У кухни роман на стороне. Вот и все, осмелитесь взяться за это дело и принудить женщину. Это отличается от тех, кто идет в печь заниматься проституцией, но упоминает о брюках, которые не хотят давать деньги".

Говоря об этом, он застенчиво улыбнулся и сказал: "Внуки произнесли глупую речь, но в этом и есть причина. Вот почему я сказал, что дедушка и бабушка слепы. Наша семья встревожена. На самом деле, его семья более обеспокоена. В то время как мы беспокоимся о недостатках в этом вопросе, его семья также должна беспокоиться о недостатках, разрушающих будущее его сына, не говоря уже о том, что рука младшей сестры держит самую большую слабость другой".

"Какие недостатки?" Сюэ Цуйе забыл, что он все еще был раздражен тем, что Сюэ Тинянь использовал проститутку, чтобы провести аналогию с самим собой, и спросил.

"Ребенок в животе у тети". Сюэ Тинглань улыбнулся с улыбкой: "Если у него есть способности, он не должен быть его внуком!"

Дедушка Сюэ молчит и, кажется, взвешивает все "за" и "против".

Сюэ Тинянь снова сказал: "Дедушка, молоко, ты должен подумать о своей тете. Если эта голова опустится, твоя тетя не сможет вечно поднимать голову в жизни Чжао".

"Он посмел!" Чжао забыл притвориться слабым, закричал.

"Бабушка, люди уже осмеливаются. Ты посмотри на это. Если ты заботаешься о своем старом лице, как семья Чжао посмела так поступить?"

Чжао внезапно закрыл рот, и его старое лицо непроизвольно дернулось, как будто он хотел причинить боль своей теще. На самом деле, Сюэ Тинянь права. Если семья Чжао действительно запрещает семью Чжао, они могут это сделать.

"Итак, тетушка, если вы торопитесь, вы просто живете дома, и я обещаю, что семье Чжао не потребуется много времени, чтобы попросить дверь. Когда этот день настанет, что мы скажем, пусть декорации семьи Чжао пригласят вас в дверь, и это не то же самое, что торчать на шесте, как сейчас".

В комнате было очень тихо, и было очевидно, что все трое Кангов думали об этом.

Через некоторое время дедушка Сюэ внезапно выстрелил себе в бедро и сказал: "Собака права, так что сделай это". В конце слова он взглянул на Сюэ Тинянь и сказал: "Ходить в школу в городе-это совсем другое, ты знаешь, что слишком много правды в том, чтобы обратить на это внимание позже".

Сюэ Тинянь застенчиво улыбнулся, и мистер Сюэ махнул рукой: "Возвращайся в дом и отдохни, еще не слишком рано". За то, что Чжао испортил свою семью, он также перезвонил Сюэ Тинянь, но не упомянул об этом.

Брови Сюэ Тиняня не показывали холодного цвета, пока он не вышел из главной двери комнаты.

Семена лотоса горьки на сердце, а груши содержат внутрибрюшную кислоту. Сегодняшние злые результаты будут перенесены завтра, но левый создан его собственным грехом.

После того, как Сюэ Тинянь вернулся в дом, Чжаоэр все еще спал.

Это было ненормально. Подумав о своем предыдущем появлении, Сюэ Тинянь снова коснулась своего лба.

Температуры нет.

Он разбудит ребенка и спросит ее: "Тебе неудобно?"

Чжаоэр не ответил ему, просто нахмурился, глядя на одеяло. Она не спрашивала, пока он не забеспокоился: "Не волнуйся, мне не неудобно".

Она выглядела такой знакомой, что он ничего не помнил, пока снова не коснулся ее головы, и

она протянула руку, чтобы оттолкнуть его. Сюэ Тинянь пошел оставить шкафы открытыми, нащупал что-то на старом месте и отнес это на кухню.

Прошло почти четверть часа, прежде чем он вернулся с миской, наполненной красновато-коричневым сиропом.

"Поторопись и выпей немного".

Только когда сахарная вода попала в рот, Чжаоэр понял, что это такое.

"Где ты взял коричневый сахар?" Выпив немного коричневой сахарной воды, Чжао Эр почувствовал себя более комфортно, и его холодное тело стало намного теплее.

"Ты не всегда пьешь сахарную воду в это время, я взял ее там, где ты положил коричневый сахар".

"Откуда ты знаешь, что я всегда пью сахарную воду, и куда я кладу свой коричневый сахар?"

Разве это не чушь, это определенно похоже на это, это не похоже на это, Сюэ Тинянь может это знать?

С тех пор Чжаоэр наконец-то смутился перед Сюэ Тинянь.

Когда ей было десять лет, она пришла к маленькой жизни, но в то время она совсем не понимала этого и думала, что умерла от неизлечимых болезней. В то время Цю все еще был там, и Цю утешил ее, рассказал, в чем дело, и повел ее на ежемесячную службу.

Цю сказал, что дела Луны грязны и не должны быть известны людям. Это единственное понимание Чжао Эра разницы между мужчинами и женщинами. Не только это, но и тело дочери не может быть показано мужчине или к нему нельзя прикасаться.

Теперь, когда маленький человечек знает, что он на Луне, он все еще знает это уже. Неудивительно, что Чжао Эр чувствует себя неловко. Она притворилась, что откинулась на одеяло, и только красноватые уши выдавали ее мысли.

"Поторопись, еще не слишком рано".

Сюэ Тинянь отнес миску обратно к плите, а затем воспользовался горячей водой, оставшейся на плите, чтобы привести себя в порядок, прежде чем вернуться в дом, чтобы отдохнуть.

В комнате воцарилась тишина, и Чжаоэр переворачивался снова и снова.

"Что ты делаешь?"

"Все в порядке, ты будешь спать".

Сюэ Тинянь протянула руку и коснулась ее, но больше ничего, в ее постели не было и следа тепла. Руки Чжаоэра тоже очень холодные, потные,

"Тебе холодно?"

"Мне не холодно, ты быстро заснешь, и тебе не нужно завтра идти в школу".

Сюэ Тинянь больше ничего не говорил, Чжао Эру пришлось лишь небрежно остановить его, но одеяло внезапно поднялось, и он вошел один.

"Я знаю, тебе холодно, ты всегда укрываешь меня, я укрываю тебя сегодня".

Чжаоэр почти не сопротивлялся, и его обняли сзади. Очень незнакомое и не сильное тело было близко к ней сзади. Это чувство было очень странным. Она подсознательно хотела бороться, но другая сторона крепко зажала ее руки и ноги сзади.

"не двигайся".

"Мне не холодно, мне не нужно, чтобы ты прикрывал меня".

"Ты просто думаешь, что я хочу, чтобы ты прикрыл меня. Иди спать, скоро будет тепло".

<http://tl.rulate.ru/book/38918/1605286>